

УДК 17.03
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-4-99-109
EDN: PRGFWO

С. КАН

Университет Индианы-Пердью
в Индианаполисе,
Индианаполис, США

Перевод с английского
А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

КАНТ, БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ И ПЕШКА В ИГРЕ ГИТЛЕРА: КАНТИАНСКИЙ ПОДХОД К СУБСТИТУТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье представлено прочтение этики Канта, в соответствии с которым: (i) Кант признает не только ответственность агента за последствия своих действий, но также и ответственность за последствия действий других агентов; (ii) такое признание согласуется с частями этической доктрины Канта, обычно используемыми в качестве доказательств отсутствия у него подобного рода взглядов; (iii) эти взгляды могут получить правдоподобную защиту средствами самой этической доктрины Канта.

Ключевые слова: этика Канта, ответственность за последствия, субститутивная ответственность, условие каузальной ответственности, перевешивающие соображения.

1. Введение. При стандартном прочтении этики Канта агенты отвечают только за свои акты воли, но не за последствия своей воли и тем более не за последствия воли *других* агентов. Такое прочтение обычно мотивируется ссылками на размышления об автономии, где автономия понимается в широком смысле как самоуправление или самоконтроль. Ключевая идея состоит в следующем. Согласно Канту, агенты имеют контроль только над своими собственными актами воли; агенты не имеют контроля над тем, что происходит помимо их воли. Но агенты могут быть ответственны только за то, над чем они имеют контроль. Следовательно, агенты ответственны только за свои собственные акты воли.

Подобное прочтение Канта находит свое отражение в литературе о моральной удаче, где последняя часто определяется в терминах (отсутствия) контроля, а Кант изображается как заклятый враг моральной удаче. В качестве доказательства этого можно привести следующий довольно показатель-

ный отрывок из работы Навсикаи Афанасулис: «... комментаторы правы, когда интерпретируют Канта как защитника представлений о морали, не подверженной влиянию удачи. Такой иммунитет от влияния удачи является центральным в кантовском проекте... Понятие ответственности, встречающееся у Канта, таково, что оно несовместимо с влиянием удачи» [1, р. 131].

Если принять подобное прочтение Канта, тогда в его этике не должно быть места для субститутивной ответственности¹ (vicarious responsibility). Поэтому не может не вызывать некоторое недоумение тот факт, что Кант прямо и с явным одобрением обсуждает субститутивную ответственность при рассмотрении примера, ставшего хрестоматийным для его этики, — примера с убийцей за дверью. И тем не менее Кант это делает, и в ряде своих менее известных работ он даже дает рудиментарные рамки для анализа подобных примеров.

Моя цель — привлечь внимание к этому забытому аспекту этики Канта. Я собираюсь проде-

монстрировать, что Кант открыто и явно принимал идею субститутивной ответственности как в своей этической, так и в правовой доктринах. Тем самым я намереваюсь выявить и показать то, насколько сильно современное понимание этики Канта, в целом разделяемое как кантианцами, так и некантианцами, искажает основные части его этической доктрины.

2. Стандартное прочтение. Стандартное прочтение этики Канта вдохновляется (частично) его знаменитой фразой о доброй воле из вступительных абзацев первого раздела *Основоположений к метафизике нравов*. Кант там утверждает, что добрая воля есть единственная вещь в мире, которая является безусловно доброй [2, с. 161 | 4:393²]. Далее он отмечает, что доброта доброй воли обусловлена вовсе не тем, «что она приводит в действие или исполняет; она добра не в силу своей пригодности к достижению какой-нибудь поставленной цели, а только благодаря волению, т.е. сама по себе» [2, с. 162 | 4:394].

Процитированный отрывок зачастую воспринимается как ключевой и для этики Канта, в частности, и для деонтологии, в целом: при оценке любого действия или агента важна его максима, — принцип, которым он руководствуется в своей воле. По словам Барбары Херман, это означает, что «все актуально происходящее, по всей видимости, не входит в сферу компетенции морали» [3, р. 95].

Подобное стандартное прочтение этики Канта подпитывается, в свою очередь, стандартным возражением: какой, с моральной точки зрения, смысл может быть в том, чтобы придерживаться принципа перед лицом катастрофических последствий? Действительно, своим примером с убийцей за дверью Кант сам себя ставит под удар данного возражения. Он предлагает вообразить убийцу, который проникнув в дом агента, спрашивает того, где прячется предполагаемая жертва. Открывший убийце двери дома агент убежден, что предполагаемая жертва убийцы прячется в подвале, и весь вопрос в том, дозволено ли ему скрыть это обстоятельство от убийцы? Кант, как известно, дает на него отрицательный ответ на том основании, что, даже если предполагаемая жертва будет найдена и убита в результате того, что агент сказал убийце правду, ложь — плохой принцип. Зачастую, этот ответ воспринимается как контринтуитивный — настолько, что может быть причиной для *reductio* этики Канта.

Я не собираюсь здесь защищать ответ Канта, но хотел бы его прояснить. Многие исследователи Канта отдельно подчеркивали, что его пример с убийцей за дверью не сводится к простой лжи [см. например: 4, р. 240–258]. Как известно, сам Кант представлял себе данный пример так, как будто убийца каким-то образом вынудил открывшего ему дверь агента дать клятву, вроде той, что обычно дают в суде, — клятву говорить правду и ничего, кроме правды. И поэтому вопрос заключается в том, дозволено ли агенту лгать в таких условиях. Другими словами, в примере с убийцей за дверью речь идет о том, должно ли быть агенту дозволено *лжесвидетельствовать* ради спасения жизни (или, выражаясь языком Канта, делать *ложное заявление*).

Трудно себе представить реалистичный сценарий, где убийца, постучав в дверь, потребовал бы от агента дать ему подобного рода клятву (особенно если учесть, что для того, чтобы эта клятва создавала обязательство, она не может быть получена

от агента путем принуждения под угрозой применения насилия). Это становится серьезным препятствием, по крайней мере лично для меня, в том, чтобы довериться моральной интуиции Канта в его примере с убийцей за дверью. И все же я полагаю, что можно легко придумать пример, в котором будут отражены морально значимые факторы, на которые ориентируется Кант в предложенном им решении. Для этого мы могли бы переделать сцену суда из *Братьев Карамазовых*.

Напомню, что в представленной Федором Достоевским истории есть четкая и убедительная цепь доказательств, связывающих Дмитрия с убийством его отца. Тем не менее Дмитрий невиновен, и его брат, Алексей, твердо убежден в этом факте.

В своем романе Достоевский дает нам ясное понимание того, что, в отличие от большинства других свидетелей на суде, Алексей не был приведен к присяге. Но в интересах аргумента давайте предположим, что это все же произошло. Кроме того, дополнительно предположим, что Алексей убежден, что единственный способ спасти своего брата Дмитрия от обвинительного приговора и смертной казни — это лжесвидетельствовать. Вот, в частности, какие Алексей видит вероятные сценарии развития событий на суде: он может сказать правду, позволив правосудию идти своим чередом, и затем просто наблюдать, как его брата несправедливо осуждают и предадут смерти, либо может выдумать алиби для своего брата, солгать и спасти жизнь Дмитрия.

Дозволено ли Алексею лгать при таких обстоятельствах, принимая во внимание то важное условие, что сам он твердо уверен в некоррумпированности и честности системы правосудия?

Я думаю, что размышление над данным вопросом в указанных обстоятельствах позволяет сделать позицию Канта менее абсурдной: лично мне совершенно не ясно, дозвоительно ли, чтобы Алексей солгал в этом конкретном случае. Доказательства того, что подобная моральная интуиция широко распространена, можно вывести из Пятой поправки к Конституции США. У людей есть право отказаться от дачи показаний в случаях, когда это влекло бы за собой самообвинение. Однако данная поправка не дает им права давать *ложные* показания. Так что, возможно, предложенное Кантом решение для примера с убийцей за дверью не столь уж и надуманное, как многим могло бы показаться.

Но, как уже было сказано выше, я только лишь хочу прояснить, что именно стоит на кону в примере с убийцей за дверью, а вовсе не защищать данный Кантом ответ о недозволении лжи при таких обстоятельствах. Поэтому позвольте мне перейти к основной цели моего исследования — взглядам Канта на субститутивную ответственность.

3. Неожиданный поворот. Возможно, по причине того, что в примере с убийцей за дверью ответ Канта воспринимается как слишком контринтуитивный, ключевой аспект его размышлений над данным вопросом остается практически незамеченным. Кант утверждает, что если на вопрос убийцы агент заявляет: «Жертвы *нет* в подвале» (т.е. лжесвидетельствует), — он несет «полноправную ответственность за все могущие произойти последствия» [5, с. 258 | 8:427].

Когда свидетельствующий под присягой агент говорит правду (а именно так и должно быть; по крайней мере, по мнению самого Канта), он не несет ответственности за смерть жертвы в случае, если убийца спустится в подвал и совершит преступление.

Однако для нас важно также отметить, что произойдет в противном случае. Кант считает, что когда свидетельствующий под присягой агент не говорит правду (тем самым нарушая свой долг) и в результате убийца уходит, — в случае, если, уходя, тот столкнется со своей жертвой, которая, не зная об этом, пытается спастись, скажем, через окно, и совершит преступление, то при таких условиях агент несет ответственность за смерть жертвы: «если же ты солгал и сказал, что его нет дома, и он действительно (хотя и незаметно для тебя) вышел, а убийца встретил его на дороге и совершил преступление, то ты с полным правом можешь быть привлечен к ответственности как виновник его смерти» [5, с. 258 | 8:427].

И чтобы не было никаких сомнений в том, что это действительно было мнением Канта, над которым он размышлял в течение довольно продолжительного времени, значительно большего, чем ему потребовалось для написания столь краткого эссе, где, собственно, и фигурирует пример с убийцей за дверью, или относительно того, был ли сам Кант полностью осведомлен, что в этом его примере обсуждается случай субститутивной ответственности, я спешу обратить ваше внимание на следующее: (i) аналогичный пример, где утверждается субститутивная ответственность, есть и в другом опубликованном тексте Канта того же периода³; (ii) неопубликованные размышления Канта содержат достаточно свидетельств в пользу наличия у Канта подобного рода идей об ответственности⁴; (iii) и в тексте эссе *О мнимом праве лгать из человеколюбия*, и в *Метафизике нравов* Кант утверждает абстрактные принципы, на основании которых должны быть сделаны приписывания такой ответственности:

[Отрывок 1] «Тот, кто лжет, какие бы хорошие намерения он при этом ни имел, должен отвечать даже и перед гражданским судом и поплатиться за все последствия, как бы они ни были непредвидимы» [5, с. 258 | 8:427].

[Отрывок 2] «Добрые последствия поступка, ставящегося в заслугу, равно как и дурные последствия неправомерного поступка, могут быть вменены субъекту (*modus imputationis ponens*)» [6, с. 251 | 6:228].

В *Отрывке 2* Кант утверждает, что агенту можно в равной степени вменить как добрые последствия дозволенных действий, так и дурные последствия недозволенных действий. Напомню, в примере с убийцей за дверью Кант считает ложь недозволенным действием, и нетрудно заметить, что половина *Отрывка 2* (где говорится о недозволенных действиях, влекущих за собой вменение агенту дурных последствий) является обобщением принципа из *Отрывка 1*.

В строках, непосредственно предшествующих тексту *Отрывка 2*, Кант утверждает, что ни добрые, ни дурные последствия действий в соответствии с обязательствами не могут быть вменены совершившему их агенту, и ровно то же самое он говорит о последствиях дозволенного несовершения агентом заслуживающих одобрения действий⁵. Это наводит на мысль о том, что Кант был бы сторонником того, что можно назвать асимметричным вменением: добрые, но не дурные последствия могут быть вменены агенту за совершение заслуживающих одобрения действий, тогда как дурные, а не добрые последствия могут быть вменены ему за совершение недозволенных действий. Разумеется, это экстраполяция, но я думаю, она вполне

оправдана: симметричное вменение (т.е. вменение агенту добрых и дурных последствий за заслуживающие одобрения действия и/или недозволенные действия) было бы довольно странным, учитывая отрицание вменения последствий за совершение действий в соответствии с обязательствами и несовершение заслуживающих одобрения действий⁶.

Важность всего этого во многом может заслоняться тем фактом, что возложение ответственности за смерть жертвы на лжеца в рассматриваемом примере с убийцей за дверью, видимо, лишь усугубляет его контринтуитивность: если данный пример воспринимается как контрпример для этики Канта на основании того, что сам Кант полагал, что говорить правду обязательно во всех случаях, то делу не поможет даже ссылка на тот факт, что в этом вопросе Кант зашел так далеко, что открыто заявил, — ложь убийце делает лжеца соучастником смерти жертвы. Поэтому позвольте мне немного подробнее остановиться на этом вопросе.

Во-первых, я считаю важным подчеркнуть, что Кант говорит о разделяемой ответственности. Кант не говорит, что лжец несет *единоличную* ответственность за действия убийцы. Единоличная ответственность *была бы* абсурдной. Но, опять же, это не то, что на самом деле имел в виду Кант.

Во-вторых, я подозреваю, что многие, кто считает контринтуитивным мнение о том, что лжец должен нести частичную ответственность за смерть жертвы, скажут о том, что это неправильно, потому что все как раз должно быть ровно наоборот: ответственность должен нести агент, сказавший правду, а вовсе не лжец. Например, если нацисты стучатся в вашу дверь в поисках еврея, прячущегося в вашем подвале, и вы охотно их туда отводите, вы берете на себя долю вины за последующие ужасы. Аналогичным образом (заключает возражающий), если вы скажете убийце правду, в результате чего тот найдет свою жертву в подвале и убьет ее, то в этом (но только в этом) случае за вами можно признать долю вины в произошедшем.

Однако такое возражение не имеет совершенно никакого отношения к принципу субститутивной ответственности, применяемому Кантом. Это возражение основано на исходном разногласии по поводу того, дозволено ли агенту в примере с убийцей за дверью говорить правду. Если же мы отложим подобные разногласия в сторону, то заметим, что само это возражение на самом деле вполне согласуется со взглядами Канта на ответственность за последствия (а именно, что неправильно действующий агент — говорящий правду, по мнению сторонников возражения, и лжец, как считал Кант, несет ответственность за дурные последствия своего проступка). Самый простой способ увидеть это, я думаю, — снова обратиться к соответствующей модификации моего примера с братьями Карамазовыми из предыдущего раздела.

Предположим, что ради спасения своего брата Алексей солгал в суде и создал Дмитрию алиби. В-первых, он рассказал о маленьком конверте с деньгами (о том, что Дмитрий действительно при нем открывал его и пересчитывал деньги!) и, во-вторых, дополнил свой рассказ историей, как он, Алексей, бросился в сад, услышав крик Григория. Алексей заявляет, что ворота были *закрыты*, а не открыты, и что их отец был жив и находился в комнате. Алиби поначалу впечатляет присяжных. Но, разумеется, его выдуманность вскоре вскрывается. Если в судебном мире и есть нечто, что в глазах при-

сжанных делает подсудимого виновным, так это ситуация, когда рушится выдуманное алиби. Теперь у Дмитрия нет не только шансов быть признанным невиновным, но и, более того, нет никаких шансов, что присяжные в своем обвинительном вердикте представят рекомендацию на его помилование. Все нужные детали примера у нас есть и можно поставить следующий вопрос: несет ли Алексей какую-либо ответственность за дурные последствия лживых показаний? Моя интуиция подсказывает мне, что да⁷.

Поэтому я считаю, что, хотя в своем примере с убийцей за дверью Кант и говорит о юридической обязанности (говорить под присягой только правду и ничего кроме правды), речь на самом деле идет о приписывании ответственности как моральной, так и юридической. Однако тот факт, что этот пример подробно не рассматривается ни в одной из его основополагающих этических работ, а также то обстоятельство, что он уделяет так мало места обсуждению связанных с ним принципов, приводит к немедленному возражению: даже если у Канта и есть такой пример, в котором он приписывает субститутивную ответственность, и даже если такая субститутивная ответственность предполагает вменение последствий, и даже если у Канта имеется набор принципов относительно того, когда такая субститутивная ответственность уместна (и не уместна), это ровным счетом ничего не говорит нам о том, что такая субститутивная ответственность может быть согласована с основной частью его этической доктрины и, в частности, с его учением о доброй воле, о котором было упомянуто выше в одной из цитат предыдущего раздела. В следующем разделе я попытаюсь ответить на это возражение.

4. Согласованность. Один из способов, с помощью которого можно попытаться согласовать приписывание субститутивной ответственности Канта с его учением о доброй воле, заключается в указании на то обстоятельство, что, хотя в приведенной выше цитате и говорится о том, что доброта доброй воли не зависит от каких-либо задуманных или достигнутых с ее помощью целей, в ней также ничего не говорится и о злобе злой воли. По всей видимости, именно это имеет в виду Джон Гарднер, когда пишет: «Мораль для Канта не является свободной от влияния удачи зоной и наша моральная деятельность, по Канту, не является полностью невосприимчивой к удаче. На самом деле, если нужно высказаться об этом кратко, иммунитет нашей моральной деятельности к удаче в рамках моральной системы Канта возникает только при одном строгом условии, что мы всегда поступаем, будь то по счастливой случайности или иным причинам, так, как поступили бы люди совершенно доброй воли. Тогда и только тогда мы с необходимостью наслаждаемся, как это делает человек доброй воли, полной моральной безотносительностью результатов наших действий» [8, р. 66].

Однако я думаю, что предложенное Гарднером понимание несостоятельно, и, как мне кажется по двум разным причинам. Во-первых, хоть я и признаю, что в *примере* Канта (убийцы за дверью) речь идет об агенте, которому приписываются неудачные последствия его злой воли, *Отрывок 2* из предыдущего раздела ясно показывает, что Кант также считает, что агенту могут быть приписаны и *удачные* последствия его доброй воли⁸. Таким образом, попытка Гарднера притянуть Канта к во-

просам моральной удачи напрямую противоречит как минимум доброй половине его представлений об ответственности.

Во-вторых, попытка Гарднера неверно интерпретирует предложенное Кантом понимание дурной воли. Кант не считает, что если есть два агента со злыми волями, один из которых компетентен в отношении средств и целей своих действий, тогда как другой нет, то данное обстоятельство делает волю компетентного агента более злой. Более конкретно, если два убийцы стреляют из двух разных пистолетов по двум разным целям, и если один из них добивается успеха, а другой промахивается, скажем, из-за внезапного порыва ветра, Кант не стал бы утверждать, что это каким-то образом влияет на степень злобы злой воли этих агентов.

В действительности же процитированный выше отрывок о доброй воле намного легче, чем это думает Гарднер, согласовать с принципами приписывания ответственности Канта. Доброта доброй воли (и злоба злой воли) может быть абсолютно самооценной и не зависеть от каких-либо последствий или положений дел в мире. Но из этого не следует, что добрая воля — единственная ценность в мире, и на протяжении текста своей *Критики практического разума* Кант неоднократно заявляет, что, хотя добрая воля и является высшим благом, она не является полным благом: для этого нам нужно счастье [9, с. 505–506 | 5:110].

Иными словами, по Канту, мир, в котором все обладают доброй волей, но в силу неудачных случайностей природы ужасно несчастны, при прочих равных условиях хуже, чем мир, в котором все обладают доброй волей и соответственно счастливы. Это происходит по той простой причине, что счастье для Канта, хоть и не является безусловным благом, тем не менее все же является благом. Аналогичным образом, доброта доброй воли (или злоба злой воли) не зависит от ее последствий. Однако добрые последствия доброй воли могут сопутствовать ее проявлениям (точно так же, как и дурные последствия злой воли), и соединение доброй воли с этими достигнутыми добрыми целями было бы, как считает Кант, чем-то лучшим, чем и то, и другое, но взятое по отдельности.

И все же продемонстрировать то, что представление об ответственности, раскрытое в предыдущем разделе, просто *согласуется* с центральными аспектами этики Канта, — еще далеко не значит предоставить какое-либо разумное обоснование для его принятия. К сожалению, сам Кант не приводит никаких особых аргументов в пользу своих принципов вменения последствий. Это обстоятельство делает их защиту предметом многочисленных спекуляций. Тем не менее я считаю, что правдоподобная защита может быть дана.

5.1. Защита: Попытка 1. В качестве первой попытки защиты принципов вменения последствий Канта и его заявлений о субститутивной ответственности мы могли бы обратиться к идее собственной воли агентов⁹. Эта защита апеллирует к следующему виду 'условию собственной воли агентов' (AAB):

Агент должен нести ответственность за свои действия и их последствия, если, но только если он действует по собственной воле.

Чтобы понять, как использовать AAB, чтобы оно вело нас к желаемому выводу, можно начать с действий, которые не больше, не меньше, но в точности такие, как того требует моральный закон. Когда агент совершает действие, которое не больше,

не меньше, но в точности такое, как того требует моральный закон, он совершает действие, которое просто дозволено или обязательно к исполнению. Но в подобной ситуации агент действует (или, во всяком случае, мог бы действовать) на основании морального закона. Таким образом, из ААВ можно вывести, что действие агента и последствия его действия не должны вменяться самому этому агенту: они должны вменяться (предположительно) моральному закону.

Напротив, совершая действие, которое оказывается чем-то либо большим, либо меньшим, чем того требует моральный закон, агент совершает заслуживающее одобрения действие или недозволенное действие, и, в качестве такового, он с необходимостью действует по своей собственной воле. Обратите внимание, что моя ссылка на необходимость в предыдущем предложении неслучайна: это аналитическая истина, что агент может действовать на основании морального закона тогда и только тогда, когда он не совершает своим действием больше/меньше, чем того требует моральный закон¹⁰. Таким образом, из ААВ, можно вывести заключение о том, что в тех случаях, когда агент совершает недозволенные действия или заслуживающие одобрения действия, действия агента и последствия данных действий должны быть ему вменены. Если объединить аргумент из предыдущего раздела с аргументом из этого раздела, то у нас получается, что агент должен нести ответственность за свои действия и их последствия тогда, но только тогда, когда он совершает действие, которое оказывается чем-то большим или меньшим, чем того требует моральный закон.

Я не думаю, что основанная на идее собственной воли агентов защита работает. Одна из проблем такой защиты связана с категорией просто дозволенных действий. Если агенту доступен только один дозволенный способ действия, тогда этот способ действия является *eo ipso* обязательным. Так что в случаях, когда агент совершает просто дозволенное действие, у него должен быть также и некоторый иной дозволенный способ действия. По этой причине совершающий просто дозволенное действие агент не может апеллировать исключительно к авторитету морального закона: такой агент действует по собственной воле. Но если теперь соединить это с ААВ, тогда получится, что агенту, совершающему просто дозволенное действие, *должны быть* вменены как его действия, так и их последствия. И это противоречит утверждениям Канта в более широком контексте *Отрывка 2*.

Вторая проблема защиты, основанной на идее собственной воли агентов, связана с категориями заслуживающего одобрения действия и недозволенного действия. Как отмечалось выше, Кант является сторонником асимметричного вменения: добрые, но не дурные последствия для добрых действий, и дурные, но не добрые последствия для дурных действий. Но ссылка на ААВ не позволит добиться такой асимметрии. Напротив, из ААВ следует симметричное вменение: вменение добрых и дурных последствий как для заслуживающих одобрения, так и для недозволенных действий.

Третья проблема с ААВ заключается в том, что оно рискует разрушить доктрину Канта об автономии и ее отношении к моральному закону. Кант считает, что агенты действуют автономно тогда, но только тогда, когда они действуют в соответствии с моральным законом [2, с. 219 | 4:440]; он

полагает, что его подход к этике определяется (и именно этим отличается от других подходов) тем, что в его этической доктрине моральный закон является самоданным (открытым собственным разумом агента) [2, с. 209—210 | 4:433]; и он думает, что единственный способ, с помощью которого агенты могут распознать веления морального закона, — это думать о самих себе как о законодателях (и, как следствие, наделенных властью) в царстве целей [2, с. 210 | 4:433]. И действительно, многие известные неокантианцы, вроде Кристин Корсард, заходят в этом отношении так далеко, что даже утверждают, что в этической доктрине Канта ценой несоблюдения морального закона становится потеря агентности [11, р. 45—58]. Принимая все это во внимание, трудно понять, как Кант мог бы принять защиту, основанную на идее собственной воли. Кант считает, что агент действует по собственной воле тогда и только тогда, когда он действует автономно, однако, если это соединить с условием ААВ, то мы получим прямо противоположное тому, что нам нужно: вменение ответственности в примере Канта с убийцей за дверью совершенно определенно станет для нас недоступным.

Четвертая проблема, и последняя, которую я здесь рассматриваю, возникает в связи с рассуждениями Канта относительно совместного вменения ответственности. Как отмечалось выше, Кант не считает, что тот, кто лжет в примере с убийцей за дверью, несет *единоличную* ответственность за случившееся убийство, если оно произойдет в тех обстоятельствах, которые он описывает. Идея Канта заключается в том, что ложь со стороны агента приводит к *разделяемой* ответственности за убийство: лжец становится соучастником. Соединив это с возражением из предыдущего раздела можно углубить проблемы защиты, основанной на идее собственной воли агентов, поскольку теперь мы видим, что существует третья возможность, которая не была исключена: действие агента и его последствия могут быть приписаны как агенту, *так и* моральному закону. А учитывая роль агента как автора морального закона, мне кажется, что даже если возражение, приведенное в предыдущем разделе, не показывает, что действие в согласии с моральным законом должно приписываться агенту *единолично*, оно убедительно демонстрирует, что такое действие должно быть приписано, по крайней мере, моральному закону *и* агенту¹¹.

5.2. Защита: Попытка 2. Я хочу предложить альтернативную защиту принципов Канта о вменении последствий и установлении субститутивной ответственности. Я назову свою защиту двухступенчатой.

Первый шаг моей защиты заключается в признании, что любой из следующих четырех пунктов подрывает категорический характер Категорического Императива: (i) вменение дурных последствий за заслуживающие одобрения действия; (ii) вменение добрых последствий за недозволенные действия; (iii) вменение дурных последствий за действия в соответствии с обязательствами; (iv) вменение добрых или дурных последствий за просто дозволенные действия.

Чтобы понять, почему это должно быть так, отметим, что если бы агенту можно было приписать дурные последствия за заслуживающие одобрения действия или действия в соответствии с обязательствами, то эти последствия дали бы ему моральные основания не совершать такого рода действия. И наоборот, если бы агенту можно было припи-

сать добрые последствия недозволенного действия, то эти последствия предоставили бы ему моральные основания для совершения такого рода действия. И наконец, если бы агенту можно было приписать добрые или дурные последствия просто дозволенного действия, это дало бы ему моральные основания совершить это действие либо воздержаться от него.

Более того, проблема здесь не только в том, что вменение последствий может создавать моральные основания, подрывающие категорический характер Категорического Императива. Проблема также и в том, что все четыре вида вменения последствий, перечисленные двумя абзацами выше, чреваты появлением несогласованности. Например, если добрые и дурные последствия вменяются агентам за просто дозволенные действия, то, если эти добрые и дурные последствия точно не сбалансированы между собой, моральные основания, которые будут создаваться вменением последствий, сделают действие уже не просто дозволенным¹².

Кто-то на это может возразить, что проблема несогласованности, которую я здесь поднимаю, является отвлекающим маневром: если действие приводит к ужасным последствиям, то оно, разумеется, не должно быть просто дозволенным действием, и то же самое является верным для других категорий. Однако мне кажется, что данное возражение само по себе основано на какой-то выдуманной фикции. Я не буду высказывать свою точку зрения по поводу того, может ли просто дозволенное действие иметь ужасные последствия; мне здесь это и не нужно. Я только отмечу, что поднятая мной выше проблема несогласованности не опирается на такого рода возможность. Моя апелляция к проблеме несогласованности предполагает лишь возможность того, что просто дозволенное действие может иметь добрые и дурные последствия, которые не совсем сбалансированы между собой, что является гораздо менее требовательной возможностью. А теперь позвольте мне перейти ко второму шагу моей двухступенчатой защиты.

Второй мой шаг — это апелляция к тому, что я буду называть 'условием каузальной ответственности' (CRC):

Если агент А каузально способствует возникновению X, то А несет определенную ответственность за X тогда, но только тогда, когда нет никаких перевешивающих это соображений. Позвольте мне начать с попытки прояснить CRC.

Когда я говорю, что А каузально способствует X, я имею в виду, что А может быть ближайшей причиной X, как в случае, когда агент стреляет в кого-то из пистолета и тем самым вызывает смерть последнего; А может быть одной из многих причин X, как в случае, когда агент голосует за кандидата и тем самым способствует победе этого кандидата на выборах; А может быть отдаленной причиной X, как в случае, когда агент использует сложную машину Руба Голдберга¹³, чтобы убить человека; или А может создать сложную структуру, в которой многие другие агенты делают X, возможно, по приказу А, как в случае, когда высокопоставленные нацистские чиновники приказали устроить ноябрьский погром, который вошел в историю под именем *Kristallnacht*¹⁴.

Аналогичным образом, когда я говорю, что А несет некоторую ответственность за X, я имею в виду, что А может нести единоличную ответственность за X, как в случае преднамеренного убийства; А может нести частичную ответственность за X,

как в случае пособничества преступлению; А может нести полную ответственность за X совместно с каким-то другим агентом (агентами), как в случае, когда члены расстрельной команды одновременно, но независимо друг от друга, стреляют на поражение; или А может нести частичную ответственность за X совместно с каким-то другим агентом (агентами), как в случаях, скажем, когда толпа убивает кого-то, побивая его камнями.

Я подозреваю, что вид ответственности агента А за действие X будет зависеть от вида каузальной связи, которая существует между А и X. Но заметьте, что само CRC от этого никак не зависит, так же как оно не зависит и от какого-либо конкретного представления о причинности¹⁵.

И последнее, но от этого не менее важное для моей защиты обстоятельство: когда я говорю, что существуют перевешивающие соображения, я имею в виду такие вещи, как извиняющие условия. Такие условия могут быть полными или частичными, но надо понимать, что последние не будут перевешивающими соображениями. Извиняющие условия морального характера могут включать в себя такие вещи, как принуждение или шантаж. Извиняющие условия метафизического характера могут включать в себя виды соображений, наподобие тех, которые я выдвинул на первом шаге моей защиты. Из этого можно сделать вывод, что первый шаг моей защиты был попыткой перечислить четыре вида перевешивающих соображений, которые препятствуют приписыванию ответственности¹⁶.

В данный момент я могу лишь выразительно намекнуть, почему, на мой взгляд, имеет смысл приписывать CRC, или нечто подобное, Канту: прежде всего, это его доктрина ноуменальной свободы, а также его представление о том, что каузальные цепи приводятся в движение моральными личностями (или, возможно, более точно, супервентны на них) в а-пространственном, а-временном, а-каузальном царстве вещей самих по себе. Но я считаю, что CRC можно сделать правдоподобным и не обращаясь к подобного рода тяжелым метафизическим механизмам. В частности, я думаю, что можно привести доводы в пользу CRC на основе его объяснительной силы.

Во-первых, я полагаю, что CRC дает нам хорошее объяснение того, почему мы не несем ответственности за события, которые произошли до нашего рождения. Все, что произошло до моего рождения, находится за пределами области событий, в которые я мог бы внести каузальный вклад, — и по этой причине CRC немедленно устанавливает, что я не могу быть за них ответственным, а в равной степени и за события, которые находятся за пределами наших световых конусов будущего¹⁷.

Выражаясь более прозаичным языком, давайте рассмотрим следующего вида бинарное вменение ответственности:

1. Я не изобрел лекарство от рака и не заслуживаю за это ответственности.

2. Если бы я изобрел лекарство от рака, то заслуживал бы ответственности за то, что это сделал.

Я нахожу оба варианта 1 и 2 интуитивно правдоподобными. И разве может быть какое-то лучшее объяснение этому, чем то, что моральная ответственность требует каузального вклада? Более того, обратите внимание, что варианты 1 и 2 не являются уникальными; легко придумать бесконечный список подобного рода бинарного вменения ответственности. Если мы чем-то и ограничены в этом,

то только нашим воображением и тем фактом, что составление такого списка было бы не слишком продуктивным использованием времени.

CRC можно также использовать для объяснения абстрактных принципов в нормативной этике. Например, рассмотрим принцип 'из обвинения следует может' (BIC), широко распространенный по обе стороны дебатов вокруг принципа 'из должен следует может' (OIC)¹⁸. Согласно CRC, если кого-то обвиняют в *B*, значит, он *действительно* каузално способствовал *B*, из чего следует (*a fortiori*), что он мог каузално способствовать *B*. Одна из проблем, которая может возникнуть здесь, заключается в том, что агенты часто считаются ответственными (и обвиняются) за *бездействия*, однако трудно понять, как кто-либо мог бы вносить каузальный вклад в бездействие. Но я думаю, что эта проблема легко устранима. С одной стороны, я считаю, что нужно различать принципиальное бездействие и непринципиальное бездействие: в первом случае агент напрямую и каузално содействует бездействию и, следовательно, по CRC должен нести за него ответственность (при отсутствии каких-либо перевешивающих соображений). С другой стороны, агент содействовал бездействию косвенно, сделав что-то еще. В таком случае приписывание ответственности все равно будет проходить по CRC, просто сама ответственность будет деривативной.

6. Проблема. Защитив идеи Канта об ответственности, я теперь хочу выдвинуть одно возражение. Это возражение направлено, в частности, против представлений Канта о субститутивной ответственности. Оно включает в себя реальный случай из истории нацистской Германии. 7 ноября 1938 года Гершель Гриншпан, молодой польский еврей, живший в Париже, выстрелил в немецкого дипломата Эрнста фом Рата¹⁹. Несмотря на попытки врачей сохранить жизнь фом Рату, он умер от ранения два дня спустя, 9 ноября. Но день 9 ноября был днем памятных торжеств нацистов по поводу неудачного Мюнхенского путча 1923 года. Нацисты жаждали устроить масштабный еврейский погром. И случившееся событие стало идеальным предлогом: нацисты ухватились за это убийство как пример еврейского нападения на немецкий народ и использовали его как предлог для начала ноябрьского погрома, действуя при этом так, как будто развязанное ими массовое насилие было чем-то спонтанным, и впоследствии они даже открыто обвиняли в нем евреев, налагая на них огромные денежные штрафы для возмещения ущерба.

Есть множество разных гипотез относительно мотивов Гриншпана. Большинство историков все же сходятся во мнении, что убийство было импульсивным поступком незрелого подростка. Они также, видимо, согласны и с тем, что оно было морально неправильным. В этом-то и заключается проблема для представлений Канта о субститутивной ответственности. Роковой выстрел Гриншпана позволил нацистам устроить 'спонтанную' демонстрацию 'воли народа', что, в свою очередь, дало им возможность заявить свои претензии на моральный авторитет, необходимый для усиления поддерживаемой государством политики антисемитизма. Однако возлагать на Гриншпана ответственность за ужасные события *Kristallnacht*, случившиеся после его морально неправильного поступка, по крайней мере, на мой взгляд, было бы нелогично²⁰.

Некоторые, однако, могли бы просто не увидеть в этом реальной проблемы. Они указали бы

на тот факт, что нацисты устроили бы ноябрьский погром независимо от событий 7 ноября, и на этом основании заявили, что нет никакого смысла говорить о том, что Гриншпан каузално способствовал *Kristallnacht*, — а значит, и нет никакой проблемы. Возможно, погром случился бы неделей позже, а возможно, и месяцем позже. Но он все равно так или иначе случился бы, и поэтому CRC не свидетельствует в пользу возложения ответственности на Гриншпана.

Я же думаю, что это был бы слишком поспешный вывод. С одной стороны, такой вывод игнорирует вполне себе реальный способ, которым нацисты использовали поступок Гриншпана в своих собственных целях, о чем свидетельствует тот факт, что они специально разыскивали его, чтобы после завоевания Франции привезти в Германию и заключить в тюрьму для пропагандистских целей. С другой стороны, если бы погром произошел в другой день, то нападениям подверглись бы другие люди, имели бы место другие случаи порчи имущества и массовых краж, и за это Гриншпан, на мой взгляд, не должен был бы нести ответственность.

Итак, я действительно полагаю, что это реальная проблема. Однако я не думаю, что проблема кроется в CRC. Скорее, я считаю, что нам необходимо расширить список перевешивающих соображения, ограничивающих действие CRC. Именно это я и попытаюсь сделать в последнем разделе моего исследования.

7. Дополнение. Один из способов дополнить список перевешивающих соображений — это обратиться к тому, что я буду называть 'условием другого агента' (OAC):

Если каузальная цепь, приведенная в движение агентом А, прерывается другим агентом, то А не несет никакой ответственности за все, что происходит в данной цепи после этого прерывания. Идея OAC состоит в том, что моя ответственность заканчивается там, где начинается ваша, и наоборот. Это все еще оставляет место для разделяемой ответственности, поскольку два агента могут вносить общий вклад в одну каузальную цепь. Что она исключает, так это разделяемую ответственность в случаях, когда один агент прерывает каузальную цепь. Разделять ответственность можно только тогда, когда агенты приводят в движение две независимые друг от друга каузальные цепи, которые в будущем имеют точку слияния. Возможно, лучше всего было бы представить это как массивный граф событий, где действия агентов — это их корни, а ответственность агентов простирается лишь настолько, насколько далеко от действий агентов простираются (без скачков и разрывов) ребра графа.

Проблема с OAC, однако, заключается в том, что оно исключает слишком многое. Данное условие исключает всякую субститутивную ответственность, а не только ответственность Гриншпана. Но, как я уже отмечал выше, я нахожу интуитивно правдоподобным приписывание ответственности Алексею в модифицированном мной примере с делом братьев Карамазовых. И я уверен, большинство людей будет согласно с тем, что Гитлер и его приспешники несут ответственность за те зверства, которые были совершены по их приказу. Принцип фюрерства²¹ ошибочен в той своей части, где он освобождает подчиненных от ответственности за их действия. Но этот принцип не ошибочен в том, что возлагает ответственность за эти действия на их начальников — субститутивную, разделяемую ответственность.

Поэтому я собираюсь предложить альтернативное дополнение перевешивающих соображений, учитывающих обстоятельства дела Гриншпана. В этом деле есть два момента, которые я считаю важными. Первый — это то, что сам Гриншпан, похоже, считал, что он вел себя не просто дозволенно, а даже благородно. Второй — это то, что Гриншпан был очень молод, неопытен и социально изолирован²². Позвольте мне теперь объяснить, какое это может иметь значение.

Учитывая крайне скудные исторические свидетельства, я сделаю предположение о том, что Гриншпан искренне верил в правоту своего поступка. Я полагаю, что он видел себя таким мучеником, совершающим отчаянный акт самопожертвования ради высшего блага. Неважно, что сам этот поступок был им плохо спланирован, плохо продуман и еще хуже исполнен. Я бы скорее сказал, что все эти факты только подкрепляют мое предположение²³.

Это важно потому, что, когда агент действует в соответствии со своей совестью, это может служить моральным оправданием (извиняющим условием)²⁴. Особенно это заметно в рамках этической доктрины Канта, который неоднократно заявлял, что «если кто-то сознает, что он поступил по совести, то в смысле виновности или невиновности от него уже большего требовать нельзя» [6, с. 443 | 6:401; см. также: 14, с. 206 | 6:189].

Если мы хотим понять смысл идеи о том, что действие в соответствии с совестью является условием морального оправдания, нам необходимо проявить некоторую осторожность. С одной стороны, это будет иметь силу только в том случае, если агенты могут заблуждаться относительно деонтического статуса обдумываемого ими направления действий, — и, действительно, Кант, кажется, принимал во внимание то, что совесть может быть оправданием в основном из-за признания подобного рода возможности [6, с. 442 | 6:401].

Кроме того, необходимо отличать агента, который может совершить действие А в соответствии с совестью, от агента, который просто хочет совершить действие А в соответствии с совестью. В частности, мое прочтение *Преступления и наказания* подразумевает, что Раскольников попадает в последнюю категорию: он верит, что действие в соответствии с совестью дает агентам, как он выражается, ‘моральное право’; верит, что ‘великие люди’ имеют моральное право такого рода на убийство; и хочет быть великим человеком. Но это все еще очень далеко от того, чтобы действительно иметь такого рода моральное право, и отчасти Раскольников находит последующую трагедию столь унижительной именно потому, что это осознает.

Возможно, в ответ мне скажут, что многие нацисты действительно действовали в соответствии с совестью, и это, вместе с моим утверждением о том, что совесть служит моральным оправданием, влечет за собой контринтуитивный вывод о том, что нацисты были невиновны. Расценивая заявление, что нацисты действовали в соответствии со своей совестью, как пример исторического утверждения, я нахожу его крайне неправдоподобным. Но даже если бы такое утверждение было правдой, это не имело бы значения — оно только лишь показывало бы, что следует включить дополнительное условие: для того, чтобы действие в соответствии с совестью могло служить моральным оправданием, агент должен иметь здоровую совесть. Иными словами, для этого необходимо искреннее, откры-

тое и честное размышление о моральности своих действий, должное усердие и отсутствие рационализации. Обратная сторона этого заключается в том, что агент может нести ответственность даже за добросовестную ошибку, если эта добросовестность является результатом халатности. Более того, в действительности агент может быть ответственен за то, что допустил появление изъяна в своей совести через инициированное самим собой привыкание (скатывание в моральную распущенность) или, в некоторых случаях, за то, что не исправил такой изъян в своей совести (даже если этот изъян изначально был результатом дурного морального воспитания, скажем, из-за времени, которое он провел в Гитлерюгенде), хотя имел достаточно возможностей это сделать, и как результат, такое упущение со стороны агента может иметь каскадные последствия для его ответственности за последующие ошибки.

Именно здесь, на мой взгляд, становится релевантным второй момент, о котором я упоминал выше: Гриншпан был молод, неопытен и социально изолирован. Я считаю, что эти обстоятельства делают более правдоподобным то, что либо совесть Гриншпана не была нездоровой, либо, если вдруг это было так, то он не был за это ответственен. Напротив, даже если мы поверим на слово признаниям Адольфа Эйхмана, что он может спать спокойно, имея на своей совести смерти миллионов, у него было слишком много возможностей для самокоррекции изъянов собственной совести, чтобы на деле подобные слова были чем-то иным, кроме как признанием неудачи (даже если он и не хотел, чтобы мы так понимали его слова), или лишь свидетельством упущенной возможности.

Подводя итоги, я скажу следующее: в сочетании с различными весомыми перевешивающими соображениями CRC обеспечивает довольно правдоподобную защиту для принципов Канта о вменении последствий и его взглядов на субститутивную ответственность, и мне кажется, что, помимо прочего, это условие может объяснить наши интуиции относительно дела Гриншпана.

8. Заключение. В данном исследовании я постарался показать, во-первых, что Кант признает ответственность за последствия и, более того, ответственность за последствия действий других агентов; во-вторых, что такое признание согласуется с теми частями этической доктрины Канта, которые обычно приводятся в качестве доказательства против приписывания ему подобного рода взглядов; и, в-третьих, что эти представления об ответственности могут получить правдоподобную защиту средствами самой этической доктрины Канта.

Примечания

¹ Под субститутивной ответственностью в праве, философии права и философии морали понимается вид ответственности, которую агент несет за действия и/или последствия действий другого лица [Прим. переводчика].

² После разделительного знака ‘|’ приводится универсальная пагинация Прусской академии наук (Akademie-Ausgabe), специально разработанная для работ Канта. В данном случае цифра ‘4’ обозначает работу *Основоположения метафизики нравов*, цифра после двоеточия ‘394’ — номер фрагмента [Прим. переводчика].

³ Его не сложно обнаружить в *Метафизике нравов*: «Должен ли я отвечать за все последствия сказанной мной неправды в практических сделках, где речь идет о моем и твоём!»

Например, хозяин приказывает, если его спросит такой-то человек, ответить, что его нет дома. Слуга выполняет приказание, но это приводит к тому, что хозяин убегает и совершает крупное преступление, которое могло бы быть предотвращено высланный за ним охраной. На кого же здесь ложится вина (согласно этическим принципам)? Без сомнения, также и на слугу, который здесь ложью нарушил долг перед самим собой; последствия этой лжи вменяет ему его собственная совесть» [6, с. 474 | 6:431; **прим. переводчика**].

⁴ В своем исследовании Самуэль Кан ссылается на личные заметки Канта, или так называемые *Reflexionen*. В универсальной пагинации Прусской Академии наук они получили обозначения в виде цифр '14' — '23' и частично были опубликованы [7]. Конкретные фрагменты [19:63, 19:160, 19:161, 19:169, 19:253, 19:260], на которые ссылается Кан, не вошли в число опубликованных [**Прим. переводчика**].

⁵ В данном случае имеются ввиду следующие строки из *Метафизики нравов*: «Добрые или дурные последствия поступка, ставящегося в долг, равно как и последствия несовершенства поступка, ставящегося в заслугу, не могут быть вменены субъекту (*modus imputationis tollens*)» [6, с. 251 | 6:228].

⁶ В разделе 5.2. я буду доказывать, что симметричное вменение, помимо прочего, подрывает категорический характер Категорического императива.

⁷ Любопытно, что Достоевский включает в свой роман как минимум два случая субститутивной ответственности, и оба они соответствуют требованиям принципов Канта. Первый — когда ямщик Тимофей стремительно довозит Дмитрия до села Мокрого, но отказывается от щедрых чаевых Дмитрия. Мысль, которую Достоевский, как мне кажется, пытается вложить в голову Тимофея, заключается в том, что принятие щедрых чаевых означало бы, что у последнего были аморальные мотивы для столь стремительной езды. Тимофей думает, что если у него были бы подобные аморальные мотивы, и если Дмитрий мог бы совершить преступление в результате такой стремительной езды, тогда он, Тимофей, был бы частично виновен в совершенном преступлении. Второй, гораздо более яркий случай субститутивной ответственности в романе — это внутренняя борьба Ивана с вопросом, виноват ли он в смерти своего отца. Катерина показывает Ивану письмо Дмитрия, в котором содержится 'математическое доказательство' вины последнего, только когда Иван говорит ей, что если Смердяков действительно является убийцей, тогда и он, Иван, тоже, принимает на себя ответственность за последствия чужих действий на том основании, что они происходят из его собственных проступков. И позднее в суде он публично и полностью берет на себя подобного рода ответственность (кажется, что Достоевский хочет, чтобы мы восприняли принятие этой ответственности как свидетельство семени религиозно-нравственного обращения Ивана).

⁸ Это небольшое упрощение с моей стороны взглядов Канта: добрая воля может иметь своей целью просто что-то дозволенное, тогда как утверждение Канта в *Отрывке 2* относительно приписываний ответственности касается только лишь заслуживающей одобрения воли. Но для целей моей аргументации данные детали можно опустить.

⁹ Такая защита была выдвинута в работе Эндрюса Рита *Agency and the Imputation of Consequences in Kant's Ethics* [10, p. 272].

¹⁰ Здесь требуются более жесткие формулировки для некоторых патологических примеров и случаев незнания. Но опять же для целей моей аргументации данные детали не важны.

¹¹ Еще одна, дополнительная проблема возникает при рассмотрении категории обязательства в сочетании с представленными выше модальными соображениями: агент, выполняющий обязательство, может делать это из пруденциальных причин или из своих непосредственных склонностей, и в этом случае какая-либо апелляция к авторитету морального закона в интересах снятия ответственности многим может показаться неискренней.

¹² Такого рода проблема не столь актуальна для других деонтических категорий, потому что *prima facie* кажется менее вероятным, что добрые и дурные последствия будут находиться в точном равновесии, чем то, что, скажем, добрые последствия будут перевешивать дурные (как это требуется для того, чтобы заслуживающие одобрения действия не создавали несогласованности с симметричным вменением).

¹³ Машинами Руба Голдберга обычно называют разные хитроумные устройства, выполняющее какое-то очень простое действие необычайно сложным образом, как правило, путем избыточно длинной цепочки взаимодействий множества составных частей машины, организованных по 'принципу домино' [**Прим. переводчика**].

¹⁴ Речь идет о событиях так называемой *Хрустальной ночи* (нем. *Kristallnacht*) — инспирированном нацистами масштабном еврейском погроме, который произошел 9–10 ноября 1938 года на территориях Германии, Австрии и Судетской области республики Чехословакия [**Прим. переводчика**].

¹⁵ При использовании CRC для защиты принципов ответственности Канта имело бы смысл использовать его теорию причинности, однако, я не собираюсь даже пытаться здесь это обсуждать.

¹⁶ В этом месте некоторые мои критики могли бы заметить, что я не блокировал вменение добрых последствий для обязательных к исполнению действий, хотя в контексте *Отрывка 2* сам Кант это делает. Многим это может показаться слабым местом моей позиции, по крайней мере, как способа прочтения Канта. Однако это легко исправить. В *Reflexionen* Кант ясно дает понять, что он считает моральную свободу необходимой для вменения ответственности, и, таким образом, наличие морального обязательства является извиняющим условием именно того самого типа, что отвечает требованиям CRC [19:256, 19:304; эти фрагменты личных заметок Канта также не вошли в число опубликованных. — **Прим. переводчика**]. Причина, по которой я не стал включать это в основной текст, заключается в том, что я не уверен, является ли подобного вида соображения философски правдоподобными.

¹⁷ Речь в данном случае идет о так называемых 'световых конусах' пространство-времени, или, если быть точным, гиперповерхностях в пространстве Минковского, ограничивающих области будущего и прошлого относительно определенного заданного в таком пространстве события. В современной теоретической физике, особенно в тех ее частях, которые связаны с теорией относительности, концепции светового конуса прошлого и светового конуса будущего имеют основополагающее значение для понимания не только самой структуры пространства-времени, но и условий распространения информации в нем. Световой конус прошлого для некоторого заданного события — это множество всех точек в пространстве-времени, которые могли так или иначе повлиять на него. Он включает в себя все возможные местоположения и времена, из которых свет (или любой другой вид каузального влияния) мог бы достичь этого события. Световой конус будущего для некоторого заданного события — это множество всех точек пространства-времени, на которые может повлиять это событие. Он охватывает все возможные местоположения и времена, в которые может попасть свет, испускаемый этим событием. Подобные световые конусы помогают определить каузальную структуру пространства-времени. События внутри светового конуса прошлого могут влиять на событие на вершине, в то время как события внутри светового конуса будущего могут испытывать его влияние. Соответственно, события за пределами этих конусов не могут ни влиять, ни подвергаться влиянию некоторого заданного события, расположенного на их вершинах (по крайней мере, без грубого нарушения принципа причинности) [**Прим. переводчика**].

¹⁸ Сторонники ОИС выводят ВИС (и, следовательно, принцип альтернативных возможностей в отношении вины) из ОИС. Противники ОИС используют ВИС для выдвижения

теории ошибок, чтобы объяснить, по каким причинам ОИС нам кажется привлекательным, признавая тем самым ВИС, но отвергая ОИС. Иными словами, они считают, что сторонники ОИС смешивают извиняющие условия (при которых агент, которого можно обвинить, не обвиняется) с дефитерными условиями (при которых обязательства *prima facie* не являются обязательствами *ultima facie*) [12, p. 69–116, 149–158].

¹⁹ История, на основе которой я буду строить свои рассуждения, в том числе и сама фраза 'пешка в игре Гитлера', использованная мной в названии настоящего исследования, была позаимствована из книги Стивена Коха *Hitler's Pawn* [13].

²⁰ Аналогичные взгляды можно было бы развивать на примере поджога Рейхстага и последовавшего за этим принятия рейхспрезидентом Паулем фон Гинденбургом Указа о поджоге Рейхстага (нем. Reichstagsbrandverordnung), а в итоге и Законов о чрезвычайных полномочиях, допуская (хотя это и крайне спорное предположение), что Ван дер Люббе действовал, как он и утверждал, в одиночку.

²¹ Принцип фюрерства (нем. Führerprinzip) — неофициальный основной принцип государственного строя нацистской Германии, кратко выраженный квазиправовой формулой 'слово фюрера выше всякого писаного закона' [Прим. переводчика].

²² Третьим перевешивающим соображением в деле Гриншпана, которое я не буду обсуждать в основном тексте, может быть то, что он понятия не имел, что все обернется так, как оно случилось. Доказательством этого является тот факт, что Гриншпан, по-видимому, решил рассказать историю о том, что убийство было всего лишь результатом любовной ссоры только после того, как стало ясно, что это его единственный шанс не стать козлом отпущения за еще большие зверства, чем развязанный нацистами ноябрьский погром. Стратегия защиты Гриншпана, как я понимаю, состояла в том, чтобы извлечь выгоду из нежелания нацистов, особенно после убийства Эрнста Рёма и последующей чистки в рядах штурмовиков в июле 1934 года, признать публично одного из своих дипломатов гомосексуалистом. Угроза Гриншпана использовать эту стратегию защиты в суде, какой бы шаткой она ни была, из-за подобных чисто конъюнктурных обстоятельств стала серьезным препятствием для проведения показательного суда. Более того, его угроза, похоже, сработала: Гриншпан так и не предстал перед судом в Германии. Я не стал включать обсуждение этого третьего перевешивающего соображения в основной текст выше, потому что это потребовало бы дополнительных рассуждений относительно возникающих противоречий со взглядами Канта: в приведенном выше *Отрывке 1*, опираясь на свой пример с убийцей за дверью, Кант утверждает, что лжец несет субститутивную ответственность за последствия своей лжи, «как бы они ни были непредвидимы». Мимоходом отмечу и ключевое различие между делом Гриншпана и модифицированным мной примером дела братьев Карамазовых: Гриншпан прекрасно понимал, что в Германии его ждет лишь жалкая пародия на суд, в то время как в деле Дмитрия Карамазова я тщательно выстраивал все так, чтобы его брат, Алексей, был твердо уверен в том, что система правосудия честна и не коррумпирована.

²³ Помимо прочего, я подозреваю, что интуиция относительно ответственности Гриншпана может ослабнуть, если мое предположение не будет принято.

²⁴ Я считаю, что можно было бы привести доводы в пользу того, что это является также и оправданием метафизического характера. Хотя нужный нам аргумент в этом случае был бы очень сложным.

Библиографический список

1. Athanassoulis N. *Morality, Moral Luck and Responsibility: Fortune's Web*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 200 p.
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов (1785) / пер. с нем. Л. Д. Б. // Собрание сочинений. В 8 т. / Ред. А. В. Гулыга. Москва: Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.

3. Herman B. *The Practice of Moral Judgment*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1993. 252 p.

4. Wood A. *Kantian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 342 p.

5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797) / пер. с нем. Н. Вальденберг // Собрание сочинений. В 8 т. / Ред. А. В. Гулыга. Москва: Чоро, 1994. Т. 8. С. 256–262.

6. Кант И. Метафизика нравов (1797) / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканяна // Собрание сочинений. В 8 т. / ред. А. В. Гулыга. Москва: Чоро, 1994. Т. 6. С. 224–543.

7. Kant I. *Notes and Fragments* / Ed. P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 663 p.

8. Gardner J. *The Wrongdoing That Gets Results* // *Philosophical Perspectives*. 2004. Vol. 18, № 1. P. 53–88. DOI: 10.1111/j.1520-8583.2004.00021.x.

9. Кант И. Критика практического разума (1788) / пер. с нем. Н. М. Соколова // Собрание сочинений. В 8 т. / Ред. А. В. Гулыга. Москва: Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–565.

10. Reath A. *Agency and the Imputation of Consequences in Kant's Ethics* // *Jahrbuch für Recht und Ethik*. 1994. Vol. 2. P. 259–281.

11. Korsgaard C. *The Constitution of Agency: Essays on Practical Reason and Moral Psychology*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 345 p.

12. Kahn S. *Kant, the Ought Implies Can, the Principle of Alternate Possibilities, and Happiness*. Lanham: Lexington Press, 2019. 280 p.

13. Koch S. *Hitler's Pawn: The Boy Assassin and the Holocaust*. Berkeley: Counterpoint Press, 2019. 272 p.

14. Кант И. Религия в пределах только разума (1793) / пер. с нем. Н. М. Соколова, А. А. Столярова // Собрание сочинений. В 8 т. / ред. А. В. Гулыга. Москва: Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор департамента «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; ведущий научный сотрудник Лаборатории логики-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода

Kahn S. Kant, the Karamazovs, and Hitler's Pawn: A Kantian Approach to Vicarious Responsibility // *Narrative and Ethical Understanding* / Ed. G. L. Hagberg. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 157–177. DOI: 10.1007/978-3-031-58433-6_9.

Ссылка на полный текст: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-58433-6_9.

Для цитирования

Кан С. Кант, братья Карамазовы и пешка в игре Гитлера: кантианский подход к субститутивной ответственности = Kahn S. Kant, the Karamazovs, and Hitler's Pawn: A Kantian Approach to Vicarious Responsibility / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 4. С. 99–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-4-99-109.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024 г.

© С. Кан

KANT, THE KARAMAZOVs, AND HITLER'S PAWN: A KANTIAN APPROACH TO VICARIOUS

The article presents a reading of Kant's ethics according to which (i) Kant not only affirms an responsibility for the consequences, but also responsibility for the consequences of others' actions; (ii) this affirmation is consistent with very parts of Kant's ethical doctrine that usually are cited as evidence against ascribing such a view to him; and (iii) these view can be given a plausible defense from within Kant's ethical.

Keywords: Kant's ethics, responsibility for the consequences, vicarious responsibility, causal responsibility condition, overriding conditions.

References

1. Athanassoulis N. *Morality, Moral Luck and Responsibility: Fortune's Web*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 200 p. (In Engl.).
2. Kant I. *Osnovopolozheniya metafiziki нравов* (1785) [Groundworks of the Metaphysics of Morals] / trans. from Germ. L. D. B. // *Sobraniye sochineniy*. V 8 t. [Collected Works. In 8 Vols.] / Ed. A. V. Gulyga. Moscow, 1994. Vol. 4. P. 153–246. (In Russ.).
3. Herman B. *The Practice of Moral Judgment*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1993. 252 p. (In Engl.).
4. Wood A. *Kantian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 342 p. (In Engl.).
5. Kant I. *O mnimom prave l'gat' iz chelovekolyubiya* (1797) [On Supposed Right to Lie from Philanthropy] / trans. from Germ. N. Valdenberg // *Sobraniye sochineniy*. V 8 t. [Collected Works. In 8 Vols.] / Ed. A. V. Gulyga. Moscow, 1994. Vol. 8. P. 256–262. (In Russ.).
6. Kant I. *Metafizika нравов* (1797) [Metaphysics of Morals (1797)] / trans. from Germ. S. Ya. Sheynman-Topshteyn, Ts. G. Arzakanyan // *Sobraniye sochineniy*. V 8 t. [Collected Works. In 8 Vols.] / Ed. A. V. Gulyga. Moscow, 1994. Vol. 6. P. 224–543. (In Russ.).
7. Kant I. *Notes and Fragments* / Ed. P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 663 p. (In Engl.).
8. Gardner J. *The Wrongdoing That Gets Results* // *Philosophical Perspectives*. 2004. Vol. 18, no. 1. P. 53–88. DOI: 10.1111/j.1520-8583.2004.00021.x. (In Engl.).
9. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* (1788) [Critique of Practical Reason (1788)] / trans. from Germ. N. M. Sokolov // *Sobraniye sochineniy*. V 8 t. [Collected Works. In 8 Vols.] / Ed. A. V. Gulyga. Moscow: Choro, 1994. Vol. 4. P. 373–565. (In Russ.).
10. Reath A. *Agency and the Imputation of Consequences in Kant's Ethics* // *Jahrbuch für Recht und Ethik. Annual Review of Law and Ethics*. 1994. Vol. 2. P. 259–281. (In Engl.).
11. Korsgaard C. *The Constitution of Agency: Essays on Practical Reason and Moral Psychology*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 345 p. (In Engl.).

12. Kahn S. *Kant, the Ought Implies Can, the Principle of Alternate Possibilities, and Happiness*. Lanham: Lexington Press, 2019. 280 p. (In Engl.).

13. Koch S. *Hitler's Pawn: The Boy Assassin and the Holocaust*. Berkeley: Counterpoint Press, 2019. 272 p. (In Engl.).

14. Kant I. *Religiya v predelakh tol'ko razuma* (1793) [Religion within the Boundaries of Mere Reason (1793)] / trans. from Germ. N. M. Sokolov, A. A. Stolyarov // *Sobraniye sochineniy*. V 8 t. [Collected Works. In 8 Vols.] / Ed. A. V. Gulyga. Moscow, 1994. Vol. 6. P. 5–222. (In Russ.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen; Senior Researcher of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Tomsk.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Kahn S. *Kant, the Karamazovs, and Hitler's Pawn: A Kantian Approach to Vicarious Responsibility* / trans. from Engl. A. V. Nekhaev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 4. P. 99–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-4-99-109.

Received October 10, 2024.

© S. Kahn